

Г. Г. Куркина, Вокализм хантыйского языка (экспериментальное исследование). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Новосибирск 1982.

26 апреля 1982 г. на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук в Тартуском государственном университете состоялась защита кандидатской диссертации Г. Г. Куркиной «Вокализм хантыйского языка (экспериментальное исследование)» (научный руководитель — доктор филологических наук профессор К. А. Тимофеев, научный консультант — заслуженный деятель науки Тувицкой АССР В. М. Надеяев). Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор П. Аристз, доктор филологических наук профессор Л. В. Бондарко, доктор филологических наук Л. А. Вербицкая.

Всестороннее и систематическое исследование языков малых народностей Сибири приобрело особую актуальность в последние годы. Ведь ясно, что интенсивная индустриализация ведет к существенным изменениям в жизни местных малых народов и их употреблении языка. В свете этого избранная автором тема весьма актуальна, назрела необходимость использовать все возможности для получения фонетических обзоров по языкам малых народов Сибири.

Исследование состоит из введения, четырех глав, заключения и приложения. Ниже приводятся замечания по отдельным разделам его.

Во введении с достаточной информативностью сообщаются сведения о территориальном размещении хантов, численности населения, диалектном делении языка. Автор останавливается на связях казымского диалекта хантыйского языка с другими диалектами, дает общую характеристику верхнеказымского говора казымского диалекта. Гласные именно этого как наименее исследованного говора выбрала Г. Г. Куркина в качестве объекта исследования. Ею использована следующая методика: дентопалатография, осциллография, спектрография и фотографирование губных артикуляций. Если верить автору, то количество подготовленного ею экспериментального материала весьма внушительно (16 000 осциллограмм 720 изо-

лированных словоформ; 3500 спектрограмм 358 слов и 100 палатограмм с 14 слов).

В первой главе «Инвентарь гласных фонем» с помощью дистрибутивного анализа выясняется число гласных фонем (в первом слоге /i, e:, \dot{a} , \dot{a} :, \ddot{v} , \ddot{v} :, \dot{v} , o:/; в непервых слогах /i, e:, \dot{a} , \dot{a} :, \ddot{v} , \ddot{v} :, \dot{v} , o:, \dot{a} / — в транскрипции автора). При этом гласный *i* встречается после губных *m*, *p*, среднеязычных *j*, *n*, *s* и заднеязычного *k*; гласный *l* употребляется только после переднеязычных твердых согласных и заднеязычного χ (с. 31). Гласный *e:* реализуется в абсолютном начале во всех типах преконсонантных слогов и постконсонантных после переднеязычных твердых согласных и заднеязычного χ ; гласный *e:* встречается только после среднеязычных, губных согласных и заднеязычного *k* (с. 33—34). Автор приходит к выводу, что гласные *i*, *l* и *e:*, *e:* можно использовать как позиционно-комбинаторные оттенки одной и той же фонемы (/i/ и /e:/, resp.). В конце главы сообщаются данные о частотности гласных. Основные гласные в непервых слогах — \dot{a} :, *e:*, *i*, *a*, тогда как \ddot{v} :, \ddot{v} :, \dot{v} :, \dot{v} :, \dot{a} встречаются очень редко, главным образом в сложных словах или русских заимствованиях. Гласные первого слога по убыванию частотности располагаются следующим образом: *i*, \dot{a} , \ddot{v} :, \dot{a} :, \dot{v} , *e:*, \ddot{v} :, \dot{v} :, \dot{v} :, \dot{a} (с. 51), в непервых слогах соответственно: *a*, \dot{a} :, *i*, *e:*, \ddot{v} :, \dot{v} и т. д. (с. 52). В хантыйском языке, очевидно, дифтонги не встречаются. Г. Г. Куркина пишет (с. 29): «... в хантыйских словоформах два гласных рядом не встречаются».

Во второй главе «Квантитативность» приводятся данные об относительных длительностях гласных первого и непервых слогов, измеренных осциллографически и спектрографически. Выясняется интересное обстоятельство (хотя оно и не упоминается отчетливо): в верхнеказымском говоре хантыйского языка длительность гласных — это афонологическое явление (ср. с мансийским языком, где каждому

фонологически краткому гласному соответствует долгий). Общезвоническая истина — специфическая длительность гласного зависит от степени высоты гласного — в верхнеказымском говоре получила свое крайнее выражение. В одном и том же ряду более высокий гласный всегда краткий и более низкий всегда долгий (а не просто несколько длиннее), т. е. $i - e$; $\ddot{v} - \ddot{o}$; $\dot{v} - \dot{o}$; $\dot{a} - \dot{a}$: (см. табл. 20 и др.). Однако те же таблицы вызывают и много сомнений. Представленные средние относительные длительности, их минимальные и максимальные величины допускают различные толкования ситуации: 1) в исследуемом говоре есть только одна степень фонологической длительности (как в русском языке), причем статистически большая относительная длительность более низких гласных — фонетическое обусловленное явление, или 2) каждый гласный имеет одну краткую и одну долгую ступень; данные не противоречат этому, поскольку в таблицах максимальные величины у гласных, отнесенных автором к кратким, во всяком случае таковы же, как у долгих гласных; минимальные величины у долгих гласных таковы же, как у гласных, отнесенных к кратким. Фонетическое измерение без фонологического анализа здесь ясности не дает. Сомнение же остается. Еще более запутанно положение с непервыми слогами. Автор акцептирует принцип, согласно которому одни и те же длительности должны быть и у конечных гласных (т. е. она транскрибирует, например, i всегда только как i , e только как e ; и т. д.) независимо от действительной долготы гласного. Возникает вопрос: действительно ли транскрибированные долгими конечные гласные являются таковыми? Данные сводной табл. 24 и таблиц в приложении скорее показывают, что конечный гласный слова краток (или в известных случаях полудолгий).

Положения третьей главы «Артикуляционные характеристики гласных» опираются на палатограммы и фотографии губ. Традиционный статистический метод палатографии более пригоден для фиксирования артикуляции согласных, менее подходит он для исследования гласных. Полной ясности в произношении гласных (особенно задних низких) он достигнуть не позволяет, поэтому читатель должен в основном обращаться к приведенным

в следующей главе данным спектрографии. Остается непонятным, каким образом получены при гласном контактные отпечатки языка на искусственном нёбе тогда, когда в произносимом слове были и другие звуки, контактные отпечатки которых могут маскировать отпечаток изучаемого гласного (напр., рис. 17, 18, 19, 20, 26, 27, 34, 35, 43). Может быть, диктор получил указание произнести только первый слог слова и затем резко прекратить произношение?; на такую возможность наводит и описание положения кончика языка (напр. с. 83: «В произнесении д. 2 зафиксирована локализация кончика языка, которая проецируется примерно на границу лингвального склона альвеол и передней части твердого нёба»; в цитируемом случае изучалось слово $m\ddot{o}:r\ddot{a}x$; куда же еще мог быть направлен язык для произношения в этом слове r ? Или иначе: кончик языка здесь описывает следующий согласный, а не гласный \ddot{o} :). Непонятно также, как получен контактный отпечаток l у слов $l\dot{i}p\ddot{t}\ddot{a}n$, $t\dot{i}w$, (рис. 19 и 20, resp.)?

Новосибирскую школу можно узнать, во-первых, по индексной методике описания палатограмм. Созданная для обеспечения возможности сопоставительного анализа, эта методика как будто ведет как раз к изоляции. Обычно не удается корректно выявить ход получения индексов и преимуществ такой системы измерения перед общепринятым методом анализа палатограмм. Во-вторых, бросается в глаза стремление к сверхдетальному анализу составных сегментов звуков (иной раз даже к более детальному, чем позволяет материал, полученный с помощью использованной аппаратуры). Исследователь, как правило, ограничивается приведением большого количества материала, не умея его системно использовать для решения теоретических проблем.

Полезный материал по качеству гласных содержит четвертая глава «Спектральные характеристики гласных». Рецензент все же имеет некоторые замечания. Поскольку данные о частотах первых трех формантов всех гласных сосредоточены в сводных табл. 50—53, не было необходимости те же данные дублировать по каждому звуку в виде отдельной

таблицы (начиная с табл. 30). В сводных таблицах приведены средние частоты форманты, ее максимальные и минимальные величины, отсутствует же количество случаев (несмотря на то, что во введении упоминается число спектров — 3500, у читателя создается впечатление, что во многих случаях звук представлен только одним примером). Вызывает недоумение вычисление средних значений, например, в табл. 50: $\text{min-max} = 400-450$, однако среднее — 450; в табл. 52: $\text{min-max} = 2750-3000$, среднее — 2730 или $\text{min-max} = 2500-2800$, среднее — 2410 (т. е. вообще остается за пределами выборки!). Слишком много места отведено коартикуляционным явлениям. Поскольку терминальная величина перехода F_2 (locus) гласного зависит от места артикуляции соседнего согласного, а объем перехода — от качества самого гласного, то следовало бы при анализе материал соответственно четко сгруппировать. Сейчас суммирующие таблицы для переходных сегментов (табл. 32 и др.) имеют мало смысла.

Особенно ценны данные F_1 , F_2 и F_3 . Они позволяют сопоставлять гласные верхнеказымского говора с гласными других языков. В некоторых выводах автора все же можно усомниться. Если поместить данные формант между осями F_1-F_2 так, чтобы возник известный четырехугольник гласных, то выяснится, что Карьялайнен был прав, когда считал гласный \ddot{a} более задним, чем ε (т. е. ε), тем самым в основном переднерядным, или же на базе имеющихся спектральных

данных можно назвать его и передне-центральный гласным (Г. Г. Куркина по неизвестной причине называет его центральнозадним). Таким же образом представленные данные подтверждают точку зрения авторов (см. с. 154), утверждающих, что \dot{v} по качеству — закрытый o , т. е. повышенный o . В связи с гласными i, e, \ddot{v}, \ddot{o} : бессмысленно употреблять термин «переднецентральные гласные» (с. 158), поскольку i, e — передние гласные (как автор и сама несколько раньше отметил) и \ddot{v}, \ddot{o} — в основном центральнорядные гласные (единственный действительно переднецентральный гласный — это \ddot{a} , как указано выше). На базе приведенных данных \ddot{v} можно назвать и более передним \dot{v} (т. е. u , ср. с. 81), тем самым допустимо использовать термин центральнозадний гласный. Но не имеет смысла применять его к гласным \dot{v}, δ : (с. 158), потому что они — задние гласные. Автором не до конца понята система признаков Jakobson, Fant, Halle, например, на с. 136 e : неверно назван компактным звуком и т. п.

В итоге следует еще раз подчеркнуть, что наибольшее значение в работе имеют таблицы длительностей звуков и частот трех первых формант, которые представляют интерес для исследователей систем гласных и количеств.

АРВО ЭЭК (Таллин)

Л. А. Верте, Консонантизм хантыйского языка (экспериментальное исследование). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Новосибирск 1982.

26 апреля 1982 г. на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук в Тартуском государственном университете состоялась защита кандидатской диссертации Л. А. Верте «Консонантизм хантыйского языка (экспериментальное исследование)» (научный руководитель — доктор филологических наук, профессор К. А. Тимофеев, научный консультант — заслуженный деятель науки Тувинской

АССР В. М. Надеяев). Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор П. Аристэ, доктор филологических наук профессор Л. В. Бондарко, доктор филологических наук Л. А. Вербицкая.

Работа Л. А. Верте состоит из введения, пяти глав, заключения и приложения.

Во введение приводится обзор трудов по консонантизму хантыйского языка: по-